

Вечером на город Цзиньлин упал первый зимний снег. Чёрная черепица и белые сугробы покрывали всё вокруг, а снежные шапки на ветвях деревьев казались бескрайними зарослями грушевых цветов.

Главная госпожа Шао восседала на самом почетном месте. У неё были пронзительные глаза с миндалевидным разрезом, а тонкие красные губы казались не шире нитки. Все её десять ногтей были покрыты ярким алым лаком — выглядело так, будто она только что вырвала у кого-то живое сердце. В отличие от своего мужа, на чьём лице читалась лишь пресловутая гуманность и справедливость, она открыто демонстрировала суровый, сварливый нрав, словно безмолвно заявляя: эту госпожу лучше не злить.

Госпожа Сяо словно бросила подачку взгляду Се Цзинланя и, понизив голос до тонкого свиста, затянула речь — её интонации витиевато изгибались, напоминая манеру оперных актёров:

— Се Цзинлань, ты хорош! Я ошиблась в тебе. Кто бы мог подумать, что в этом смрадном логове, Дворе Осеннего Тунгового Дерева, ты способен вынашивать столько мудрости? Если тебя как следует обучить, то в будущем занять один из высших постов при дворе не составит труда!

— Благодарю за незаслуженную похвалу, госпожа. Кто знает, что случится впереди? — усмехнулся Се Цзинлань.

Его слова звучали смиренно, но в них не было ни капли истинной скромности. Напротив, в них сквозило скрежещущее зубами обещание: рано или поздно заставить её молить о пощаде.

В глазах госпожи Сяо мелькнуло презрение:

— А я-то думала, на что ты способен! Зелёный юнец, не умеющий прятать собственные мысли, возомнил, что благодаря паре дешёвых фокусов сможет возвыситься и стать фениксом? Какая польза от пустой головы, полной книжных премудростей? Я всё равно сумею сделать так, что ты задохнёшься ими и слова вымолвить не сможешь.

Взгляд Се Цзинланя замер.

— Раньше я ещё пыталась притворяться добродетельной матерью и почтительным сыном — в конце концов, тот старик по фамилии Дай обладает немалым влиянием, с ним трудно совладать. Но стоило мне взглянуть на тебя, как перед глазами вставала эта бесстыдная шлюха, — госпожа Сяо в упор посмотрела на Се Цзинланя, и её взгляд стал леденящим до боли. — Ты слишком похож на неё.

Се Цзинлань всё же не стерпел и с гневом произвёл:

— Иметь жён и наложниц для мужчины — обычное дело. Разве госпожа не слишком ревнива?

— Ревнива? — госпожа Сяо криво улыбнулась. — Я происхожу из знатного клана Цзянцзо, поколениями служившего при дворе. Мой отец дослужился до поста левого цензора в Ведомстве цензоров! Если бы не я, этот ничтожный слабак Се Бинфэн не смог бы получить даже захудалой чиновничьей должности девятого ранга! Вы, мужчины, все мастера сладких речей, и нет среди вас ни одного порядочного человека. Я поверила клятвам твоего никчемного отца и вышла замуж за представителя клана Се, но стоило мне проходить беременной всего десять месяцев, как он сбежал за твоей матушкой!

— Это вина отца, к чему госпоже срывать зло на мне?

Госпожа Сяо опустила голову и принялась разглядывать свои ногти, а на её губах заиграла насмешливая улыбка:

— Кто виноват, что я не могу расправиться с Се Бинфэном? Мы с ним связаны одной судьбой: наше благополучие и наши беды — общие. Но на тебя, сопляка, у меня управа найдётся.

Насмешка на её лице стала ещё глубже — то ли издевалась она над Се Цзинланем, то ли над самой собой.

Се Цзинлань:

— Вы...

— Раньше я была добра и кормила тебя досыта из жалости — всего лишь никому не нужная дикая трава, ты не мог поднять большой волны. Кто бы мог подумать, что ты посмеешь позариться на то, что принадлежит моему сыну! Не сумев украсть книги и тайные знания, ты устроил переполох в Павильоне Ванцин и отнял место, которое по праву причиталось моему сыну. Ты сам наприсился на смерть, так что вини себя.

Сяхоу Лянь, ничуть не страшась, подал голос:

— Главная госпожа, неужели вы сами не видите, какой ваш сын бездарный увалень? Если бы в тот день молодой господин Цзинлань не участвовал в отборе, боюсь, никто из отпрысков клана Се вообще не привлёк бы внимания господина Дай.

Госпожа Сяо сузила глаза, глядя на Сяхоу Ляня, и прикрикнула:

— Что за бродячий щенок! Как ты смеешь нести чушь в моём присутствии! Эй, приведите сюда слуг, всыпать ему двадцать палок!

Две пожилые служанки выступили вперед и, подхватив Сяхоу Ляня под руки, поволокли к длинной скамье. Сяхоу Лянь отчаянно засучил ногами, извиваясь на лавке словно рыба на разделочной доске, которую собираются нарезать ломтиками, но она упорно не желает

сдаваться. Руки служанок, крепкие словно железные клещи, намертво вцепились в его плечи, а вскоре и ноги были зажаты мертвой хваткой. Сяхоу Лянь, эта отчаянно барахтающаяся и не желающая покоряться рыба, окончательно превратился в безгласную рыбину, отданную на волю палачей.

Первый удар обрушился на него, и кожа на бёдрах Сяхоу Ляня вспыхнула дикой, раздирающей на части болью.

Он окончательно растерял те крохи приличий и гордости, что у него оставались. Собравшись в даньтяне, он разинул рот и иступленно завопил, пустив в ход врождённый навык оглашать криками всю округу с младенческих лет и применив сноровку, подсмотренную у деревенских певиц горными тропами. Его вопль звучал так, будто резали тысячу свиней одновременно, и под конец, достигнув наивысшей ноты, ожидаемо сорвался на фальцет.

У госпожи Сяо были хронические мигрени, и от пронзительного голоса Сяхоу Ляня она едва не лишилась чувств.

Решив, что Сяхоу Лянь действительно больше не выдержит, Се Цзинлань бросился на него со словами:

— Хватит бить! Не надо! Он больше не выдержит! Госпожа, я буду учить любые правила, какие прикажете! Только перестаньте его бить!

Госпожа Сяо, с раскалывающейся от боли головой, велела служанкам отойти и сделала несколько жадных глотков чая, прежде чем ей немного полегчало.

Сяхоу Лянь, обессиленный, плашмя лежал на длинной скамье. Заднице было не то чтобы сильно больно, а вот горло саднило до слёз.

Действовать напролом было нельзя, оставалось лишь искать окольные пути. Вытянув шею, Сяхоу Лянь просипел:

— Госпожа, пусть молодой господин Цзинлань и не вам родной, но если он однажды сдаст императорские экзамены и вернется с триумфом домой, честью покроется не только он сам, но и весь клан Се! Как ни крути, вы — его законная мачеха. Если юный господин покроет себя позором, вам от этого не пострадать, но если ему посчастливится добиться высших наград на экзаменах, вы непременно разделите с ним славу!

— Голосок мал, а зубы остры! — госпожа Сяо ничуть не смягчилась, на её лице по-прежнему застыла холодная усмешка. — Запомни раз и навсегда: даже если клану Се суждено процветать, возвышать его будут мои сыновья — Цзинтао и Цзиньтань, но никак не этот ублюдок Се Цзинлань!

Взгляд Се Цзинланя постепенно потускнел, а в уголках рта застыла горькая улыбка.

Госпожа Сяо снова приняла надменный вид:

— Впрочем, Цзинлань, теперь твоё положение поистине необычно. Ты ученик самого почтенного учителя Дая, и просто так я с тобой совладать не могу. Но ведь почтенный Дай — великий ученый современности. Если ты не обучен хорошим манерам, разве это не покроет позором весь наш клан Се? Люди скажут, что я, его законная мачеха, дурно его воспитала. Сегодня для начала выучишься «стоять на коленях», а остальному обучимся в другой раз.

Госпожа Сяо бросила многозначительный взгляд, и две стоявшей рядом служанки шагнули вперед. Они выволокли Се Цзинланя на снег, и одна из них ударила его под коленки — Се Цзинлань с глухим стоном рухнул на колени.

Сяхоу Лянь изменился в лице:

— Что вы творите?!

Служанки подняли Сяхоу Ляня и силой прижали к земле рядом с Се Цзинланем. Тот отчаянно забился, но силы в руках каждой служанки казались пугающе огромными — те раскаленные добела ладони легли ему на плечи тяжестью горы Тайшань.

Сяхоу Лянь скрежетал зубами: все в этом доме были старыми ведьмами!

Грубый, хриплый голос служанки расколол морозный воздух:

— Стоя на коленях, полагается держать спину прямой, плечи — на одной высоте, не сутулиться, а руки прижать по швам брюк, а не распускать куда попало!

Сяхоу Лянь сидел прямо на собственных икрах, когда служанка отвесила ему пинка, отправив лицом в снежную кашу.

— А пятой точкой на ноги не садиться! Стоять как положено!

Чтоб тебя! Сяхоу Лянь едва не взрывался от злости, ему так и хотелось подскочить и сцепиться с этими двумя старыми каргами насмерть.

Удалось избежать палок, но не избежал наказания на коленях — эта старая ведьма твёрдо решила сжить их со свету.

Госпожа Сяо стояла на ступенях, глядя на них свысока, и её взгляд — ледяной и

пренебрежительный — был устремлен на них как на каких-то букашек.

— Продержитесь на коленях один час — сможете идти, но... — госпожа Сяо сдула пылинку с ногтя и небрежно бросила: — Если служанки заметят, что вы держите осанку неправильно, за каждую ошибку получите ещё по часу.

Она скрылась в доме, оставив двух служанок караулить парочку на галерее.

Не успел Сяхоу Лянь простоять на коленях и половины чашки чая, как оба колена заняли от жгучей боли, а поясницу немилосердно ломило. К тому же сумерки сгустились, ледяной ветер завывал всё яростнее, обжигая лицо холодом так, что оно теряло всякую чувствительность. Обернувшись, он увидел Се Цзинланя: тот застыл изваянием, опустил ресницы и погрузившись в мрачные мысли.

Тело юноши было слабым, лицо — белым как бумага, а губы потеряли всякий цвет. Сяхоу Лянь уже забыл о собственных страданиях, переключив всю тревогу на Се Цзинланя: простоять на коленях целый час — разве это шутки? Выдержит ли его хрупкое тело такое испытание?

А те две служанки тем временем грелись у жаровни, зорко и хищно наблюдая за ними обоими.

Внезапно Се Цзинлань подал голос. Его слова звучали тихо, едва слышно, словно из глубины могилы:

— Мне не победить её. Как высоко бы я ни забрался, она всё равно сотрет меня в порошок.

— Не думай о всякой ерунде, эта старая ведьма морочит нам головы, меня аж трясет от злости, — выдохнул Сяхоу Лянь. — Эй, молодой господин, как думаешь, смогу ли я выскользнуть отсюда за помощью? Где там живёт господин Дай? А позвать твоего отца на помощь имеет смысл?

— Тебе не уйти отсюда. Здесь две служанки, в доме не меньше пяти-шести служанок, а у ворот и во дворе — кто знает, сколько ещё дворовой челяди. Стоит им схватить тебя поодиночке, и ты с места не сдвинешься, — взгляд Се Цзинланя был тусклым, пугающе-темным, в нем не осталось ни искорки света. — Я был слишком наивен. Мне казалось, стоит стать учеником господина Дай, как перед глазами откроется широкая дорога: шаг за шагом, через суцая, цзюйжэня и цзиньши, я рано или поздно выкарабкаюсь.

Но я забыл, что принадлежу к клану Се — знатному и влиятельному роду, где превыше всего ценятся традиции ученых мужей. К тому же священная династия возводит сыновнюю почтительность в культ. Если главная госпожа распустит слухи о моем непочтении, моя карьера чиновника рухнет в один миг. Захочет она уничтожить меня, у нее найдется тысяча и один способ.

— Старая ведьма просто пугает тебя, не верь ей, — с трудом подбирая слова, попытался утешить его Сяхоу Лянь. — Посмотри на нее: разве она похожа на настоящую хозяйку дома? Никакой солидности! И впрямь, на какую из глаз ослеп твой отец, раз позарился на такую фурию?

Се Цзинлань слабо покачал головой:

— Она честна в своей злобе, ей претит разыгрывать спектакли. Если бы мне досталась мачеха, что прячет кинжал за улыбкой и пожирает людей без костей — вот тогда пришлось бы туго. Боюсь, я бы даже рта раскрыть перед ней не успел, как сгинул бы во Дворе Осеннего Тунгового Древа.

Впервые в жизни он ощутил столь сокрушительное бессилие. Будто тонущий ребенок, который отчаянно барахтается в воде, взбивая целые пенные волны, но тело неумолимо тянет на дно.

Это чувство беспомощности, подобно приливу, медленно затапливало его с головой.

Снег валил всё гуще, устилая макушки и плечи обоих юношей. Издали казалось, что они оба поседели. Се Цзинлань продрог до мозга костей — холод, казалось, проникал сквозь плотную ватную одежду прямо в кости. На его висках оседал снег, а на ресницах замерзал инеем. Лицо было настолько бледным, что с первого взгляда невозможно было отличить белизну снега от цвета его кожи.

Сознание постепенно ускользало, зрение затуманивалось. Внезапно его плечи укрыло теплое ватное одеяло, чьи-то руки, чуть более согретые, чем его собственные, протянулись вперед, смахнули с его лица снежную крупу и крепко сжали его озябшие пальцы.

Он с трудом приподнял голову и пробормотал едва слышно:

— Сяхоу Лянь?

Сяхоу Лянь уже не заботился о том, красиво он сидит или нет, — он крепко прижал Се Цзинланя к груди, судорожно растирая ему руки и лицо.

Скинув верхнюю одежду, он подставлял спину ледяным порывам ветра, свистевшим за воротником, отчего из носа у него текли сопли. Свернувшись калачиком, они напоминали замерзающих насмерть пташек в зимнюю бурю.

— Убивают! Люди добрые, убивают! Вы что, так и не выпустите нас?! — во весь голос закричал Сяхоу Лянь.

Одна из служанок, дрогнув лицом, вошла в дом за указаниями, но вернувшись, молча села у жаровни и отвернулась, не глядя на них.

— Черт побери эту старую ведьму! Заслужила родить такое ничтожество, как Се Цзинтао, — Сяхоу Лянь крепче прижал к себе Се Цзинланя, их лбы соприкоснулись, и поднимающийся пар от дыхания затуманил обзор. — Молодой господин! Не пугай меня!

Се Цзинлань с трудом разлепил веки, без сил бросил на него косой взгляд и ничего не ответил.

Сяхоу Лянь зашептал ему на ухо:

— Молодой господин, у тебя есть деньги? Дай мне денег!

— Их не подкупить деньгами, — прошелестел Се Цзинлань.

— Да нет же, дай мне хоть что-нибудь, хоть медную монету, — сжав зубы, выпалил Сяхоу Лянь.
— Я пойду и прикончу эту старую каргату!

Ассасины Цзялань никогда не брались за заказы дешевле ста лянов серебра, но раз уж он пока не настоящий ассасин, пусть обойдется Се Цзинланю по знакомству.

— Что за глупости... что ты мелешь, — Се Цзинланю казалось, что он промерз насквозь от макушки до пят. Он чувствовал себя не живым человеком, а куском льда, и голос Сяхоу Ляня доносился до него всё слабее, превращаясь в неразборчивый шум.

Он даже не был уверен, произнес ли он только что эти слова вслух.

— Забыл? Я вор. Мы крадем не только сокровища, мы крадем и чужие жизни. Пошарь у меня в сапоге, — Сяхоу Лянь взял холодную руку Се Цзинланя и сунул ее в голенище своего сапога. Нащупав твердый предмет с резным узором и четкими гранями, Се Цзинлань мгновенно вздрогнул и пришел в себя.

Собрав последние остатки сил, он вцепился в Сяхоу Ляня, и слова вырвались буквально сквозь стиснутые зубы:

— Если ты посмеешь учудить глупость, я... я... — он долго не мог подобрать угрозу, способную остановить Сяхоу Ляня, и от безысходности впился зубами ему в плечо.

Се Цзинлань кусал так сильно, что Сяхоу Лянь скривился от боли, и лишь ощутив во рту привкус крови, Се Цзинлань наконец разжал челюсти.

Сяхоу Лянь рассвирепел не на шутку и возмущенно зашипел:

— Ты что, собака сутулая?! Мало того что добрых намерений не ценишь, так еще норовишь в

моих лучших побуждениях дыру прогрызть!

— Что за грызня среди своих? — раздался леденящий кровь голос. Сяхоу Лянь поднял голову и увидел, что госпожа Сяо холодно смотрит на них сверху вниз. Бросив взгляд на потемневшее небо, она бросила: — Мне пора спать. На сегодня хватит, можете идти.

Сяхоу Лянь шумно выдохнул с облегчением.

Се Цзинлань уже почти терял сознание. Ощупав его лоб, Сяхоу Лянь испуганно отдернул руку: снаружи стоял страшный мороз, а лоб юноши пылал, словно раскаленный уголь.

— Эй! Молодой господин!

Се Цзинлань соскользнул с колен и бесформенным культияпком рухнул на землю, бредя в лихорадке и бессвязно бормоча что-то под нос.

Делать было нечего — Сяхоу Лянь взвалил его себе на спину и, шатаясь на онемевших, ледяных от долгого стояния ногах, поплелся в сторону Двора Осеннего Тунгового Дерева. Первые шаги давались с трудом: он то и дело спотыкался, и оба они кубарем летели в сугроб, долго не в силах подняться.

Дорога казалась бесконечно длинной, словно у нее не было конца. Сяхоу Лянь отчаянно хотел позвать на помощь Ляньсян или Матушку Лань, но боялся, что пока он бежит туда-сюда, Се Цзинлань успеет превратиться в ледышку.

— Не... не глупи, — бормотал Се Цзинлань. Если бы его лицо не утыкалось в шею Сяхоу Ляня, тот бы ни за что не расслышал этих слов.

От сильнейшего холода Се Цзинлань перестал чувствовать свирепый ветер. В голове стоял непрекращающийся гул, мир кружился перед глазами, а в горле подступала тошнота.

Где-то на краю сознания мелькнула абсурдная мысль: если его сейчас стошнит на Сяхоу Ляня, не сойдет ли этот парень с ума прямо на месте?

— Не бойся, не буду я глупить, — Сяхоу Лянь поудобнее перехватил Се Цзинланя на спине. — Молодой господин, не засыпай, поговори со мной. Только посмей умереть!

Се Цзинлань чуть прояснил рассудок и, с трудом приоткрыв глаза, бросил на него вялый взгляд, не проронив ни слова.

Сяхоу Лянь зашептал ему прямо в ухо:

— Молодой господин, а у тебя есть деньги? Дай мне денег!

— Не поможет, их не подкупить, — едва шевеля губами, выдохнул Се Цзинлань.

— Да не это... Отдай мне свои деньги, хоть одну медную монету, — сквозь зубы процедил Сяхоу Лянь. — Я пойду и прикончу эту старую каргату!

<http://bllate.org/book/26257/3145233>